

Григорий Луговский

**Роскошь
человеческого
разобщения**

сны, эссе, недописки

Григорий Луговский

**Роскошь человеческого
разобобщения**

«Издательские решения»

Луговский Г.

Роскошь человеческого разобщения / Г. Луговский —
«Издательские решения»,

В книгу вошло более пятидесяти самостоятельных произведений, объединенных в несколько блоков: эссе, сны и недописки (статусы, афоризмы, комментарии). Время написания работ — с 1995 по 2015 годы. Сквозная тема книги — проблема взаимопонимания между людьми, культурами, обществами.

Содержание

Боги моментов	6
Эссе	7
Философия философии	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Роскошь человеческого разобщения

Сны, эссе, недописки

Григорий Владимирович Луговский

© Григорий Владимирович Луговский, 2015

© Григорий Владимирович Луговский, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Боги моментов

Некоторые авторы так любят свои произведения (особенно этим страдают поэты, считающие себя проводниками какой-то «высшей воли», диктующей им свои послания), что тщательно протоколируют точную дату написания того, или иного творения. Иногда с точностью до секунд. А одна знакомая поэтесса кроме этого еще указывала и место, где ее настигло вдохновение – кухня, туалет и т. д.

Я не столь пунктуален, а свои тексты считаю продуктом собственного сознания. Хотя и вдохновения в форме каких-то биохимических процессов не отрицаю. Тем не менее, эта книга, состоящая из более полусотни разнородных текстов, я озаглавил «Боги моментов» по такой причине. Иногда нас преследует какая-то мысль, требующая выхода, выражения. Очевидно, что навязчивая мысль – итог каких-то внешних воздействий и необходимость ответа на них, снимающего напряжение. Вот такие мысли, которыми мы бываем одержимы время от времени, но затем освобождаемся от них, и есть «боги моментов». Они подчиняют нас на краткое время, а затем, излив какой-то вывод в форме текста, мы освобождаемся от докучливых «богов». И ждем появления нового «бога момента», который вдохновит нас на очередной поиск ответа.

Произведения данной книги выстроены в хронологическом порядке: от более ранних к самым свежим. Условно «Боги моментов» разделены на два больших блока: «эссе» (сюда вошли достаточно объемные и законченные произведения; часть из них ранее публиковалась в интернете) и «статусы и недописки». Второй блок состоит из коротких, часто афористических произведений, многие из которых были опубликованы как «статусы», или «посты» на моих страницах в соцсетях. «Недописки» – это незаконченные эссе, или наброски мыслей, требующих дальнейшей доработки. Но раз это «боги моментов», то для завершения «недописок» требуется ждать очередного «прилива», который оживит именно этого «бога». Конечно, «недописки» можно было бы назвать черновиками, набросками, но мне почему-то нравится именно это слово собственного сочинения. Возможно, оно меня вдохновляет. А все вдохновляющее необходимо брать на вооружение и использовать.

Тематически тексты «богов» касаются нескольких философских и культурологических проблем, которые можно условно представить в виде таких тегов: свобода, творчество, добро и зло, хаос, сакральное, философия, наука, СМИ, будущее, постмодерн, язык. Сквозной мыслью книги является и проблема сложности взаимопонимания между людьми.

06.12.2015

Эссе

Философия философии

1. Философия – единственная из наук, которая не имеет ничего сверх себя, то есть является и метаисторией, и метафизикой и т.д., она одна может выступать также и в качестве языка для объяснения себя. Сама философия только и может быть метафилософией.

2. В философии мы видим увлеченность знанием ради самого знания, в то время как другие науки (если мы «очистим» их от «философскости», присущей любой науке) заняты поиском практического знания, пользы. Уже Аристотель утверждал, что «все другие науки более необходимы, нежели она, но лучше нет ни одной» (Метаф., 1,2, с.22) и «эта наука единственно свободна, ибо она существует ради самой себя» (там же). Таким образом, «философскость», из которой в основном состоит философия, может считаться квинтэссенцией науки вообще, ибо суть ее – бескорыстная тяга к познанию, причем лишенному конкретного предмета. Как считал Аристотель, философия начинается с удивления и завершается открытием причин, снимающим состояние удивления (А. Н. Чанышев. Курс лекций по древней философии. – М., 1981, с. 350). Тем самым можно утверждать, что философия стоит особняком среди других наук и является не столько отражением объективной истины, сколько сублимацией нашего незнания. Первейшая задача философа – удовлетворение познавательной (или точнее пояснительной) потребности самого философа. Поэтому философ может быть самодостаточным, одиноким, как бог Аристотеля, занимающийся, как сегодня можно выразиться, созерцанием связей, или структур – идеальной философской деятельностью, полностью лишенной какой-либо предметности.

Реальная философия не может полностью оторваться от «мира сего», дарующего нам язык для мышления. Поэтому философия неизбежно метафорична (см.: А. М. Еременко. Метафоричность философского мышления// Философская и социологическая мысль, №1, 1990), т.е. вынуждена замещать то, чему нет аналогов в языке, описывающем мир предметов и явлений, символами. Тем самым философия удаляется от других, «опредмеченных» наук, и приближается к поэзии, которая, оперируя символами, выражает (экстериоризирует, то есть делает объективными, воплощенными) чувства автора (в этом смысле поэзии и философии принадлежит ведущая роль в процессе расширения возможностей языка). Философия изучает те чувства, интуиции, которые могут быть отражением какой-то реальности (Дж. Локк: «Нет ничего в сознании, чего ранее не было в чувстве») и в этом смысле она впереди всех наук, интуиции которых менее углублены, ибо слишком близки к реальности (предметам), опыту. Впрочем, любая наука в какой-то мере поэтична, так как ищет созвучия, соразмерности = закономерности. И в любой формуле не меньше созвучия, чем в поэтической строфе.

3. Последняя мысль подводит к выводу о том, что любая наука сводится к поиску структур, «созвучий», в которых и заключается научная истина. Современная наука все более превращает своих жрецов в чернорабочих, где труд – структурирование, подгонка, сбор фактов, наполняющих теоретические схемы (в гуманитарных науках цитаты тоже играют роль фактов). Существует тенденция обезличивания научного текста (см: В. В. Иванов Чет и нечет...), фигура автора теряется, как, собственно, и реальная его роль, ибо современная наука творится коллективно, а факт открытия нового может принадлежать даже компьютеру. Но философия упорно не хочет походить в этом на «чистую» науку, продолжая порождать многословные и многосложные авторские тексты. Философия остается кабинетной, наиболее экстенсивной наукой. Очевидно, традиционная философия с ее тягой к словам, к плану выражения, должна уступить, если она хочет стать наукой, структурной системе познания. В XX веке были

попытки отделения науки философии от словотворчества философии, где «научность» находится в завалах образных фраз. В частности, структурализм можно считать одним из успешных способов преодоления «поэтичности» философии, ее «распредмечивания».

4. Но стоит ли воспринимать поэтичность философии как зло? Если наука, а также исторические религии способствуют утверждению картины (иллюзии?) однозначного мира, то философия, если это истинная философия (то есть не материализм или сциентизм), поэзия науки, не дает однозначных ответов, а лишь указывает ходы решения проблем. Наука невозможна без конкретных выводов, без почвы, на которую можно опереться и именно успехи линейной науки позволили вырастить культу человека – царя природы. Европейская цивилизация, для которой всегда был характерен интерес к более общим проблемам («горячая» культура) довольно рано расчленила первоначальное единство философии и науки (вспомним, что первые греческие философские школы были в основном материалистичны, а пифагорейство, давшее начало математике – этой основе. Линейной науки, наполняя числа чувственным, философским смыслом, как бы сковывая сатанинские потенции бездуховного «чистого» познания). Не исключено, что сам тип письма, распространившийся в Европе, порождал подобную устремленность мысли, в то время как восточная иероглифика закрепляла образное восприятие мира, не давая науке выйти за пределы философии.

5. Итак, предназначение философии прямо противоположно научному. Если наука ищет точное знание, которое применяется на практике, изменяя мир вещей, то философия служит (должна служить) постоянным барометром для самосохранения гомо сапиенс, т.е. дает варианты возможных других путей, предупреждает об опасности того или иного пути. Не случайно О. Вейнингер ставил рядом философов и художников, отделяя их от «людей дела» и «людей науки».

Философия столь плюралистична именно в силу своей ненаучности, поскольку нет науки философии и нет философии вообще, а есть множество философий, которые не дополняют друг друга (как это бывает с другими науками, в которых лишь углубляется специализация, то есть предмет сужается, утончается, удаляется от первоисточника – философии с её всеобщим), а конкурируют между собой. Ценность философии именно в ее множественности. Здесь мы согласимся с А. Еременко, который пишет: «Не всякая истинная мысль является ценной для развития познания и не всякая ценная – истинной. Не является ли философия генератором ценных идей для науки, независимо от их ошибочности или истинности, не в этом ли заключается ее основное задание» (А. М. Еременко. Метафоричность философского мышления...). Философ более подобен пророку, чем ученому, а все философские тексты есть вариациями на тему некоего сакрального писания, пытающегося объяснить если не всё, то очень многое (или основное). Множественность путей философии – следствие ее метафоричности, т.е. невозможности в принципе нахождения общего языка разными течениями и направлениями (это не удивительно, ведь даже обыденные состояния не всегда могут найти адекватное выражение; внимательный человек часто может поймать себя на мысли о том, что он спорит с кем-то лишь потому, что оппонент не имеет того языка, которым первый пытается выражать свое мнение). Сама философская истина, вероятно, может быть наполняема множеством содержаний, т.к. все они – метафоры пустой формы, какой только и можно представить истину, не имеющую ничего общего с человеческим языком, выступающим в качестве инструмента мысли. Единичная философия лишь, исходя из потребностей своего творца (выразителя) и его времени, наполняет эту форму своим содержанием (примером такой пустой формы является Дао, как, впрочем, и Бог в апофатической теологии, которая может лишь говорить о том, чем Он не есть). Но можно допустить, что та или иная философия более или менее истинна, то есть в определенной степени приближена ко Всеобщему. Менее «сильная» философия, как правило, более приближена к «миру сему» и линейной науке, в то время как более «философичная» философия способна развиваться дальше и, тем самым, менее исчерпаема, т.е. дольше

сохраняет себя как живое, развивающееся учение, а не устоявшаяся и состоявшаяся система. Последняя, по сути, выступает в качестве такого кода, посредством которого дается свое прочтение всего мира. Состоявшаяся философия уже не знает тайны, ею познано Всеобщее и она превращается в догму, очередную религию. Такая философия исчерпала себя как источник ценных идей и неизбежно вызывает духовную реакцию. В любой философии, поскольку она не отграничивает себя от линейной науки, заложен ген саморазрушения. Как верно заметил А. Еременко, философия является ответом на десакрализацию мира, поэтому, чем более философия линейна (научна, ищущая однозначных ходов и решений задач), тем более она подобна революции – бунту против уже существующих идей, догм, ценностей. Это форма духовного люциферианства – возмущения вторичного против первичного, меньшего против большего, где меньшее – личность, философ, а большее – социум с его традициями и устоявшимся мировоззрением, в котором философ видит определенные изъяны.

6. О месте и роли философа мы поговорим ниже, сейчас же продолжим анализ отношений науки и философии. Ясно, что философия – не причина десакрализации мира, а болезнь десакрализованного мышления. По сути, философия пытается в отличие от других наук, восполнить отсутствие сакрального в жизни «мира сего», но если линейные науки, чей предмет конкретен и эмпиричен, способны развиваться по восходящей, то философия – это оплот сакрального в профаном мире, обречена на постоянный кризис и мутации, ибо она «не от мира сего». И это в то время, когда философия менее других наук способна ошибаться, ведь именно линейное научное знание в полной мере пользуется правом на ошибку (см.: А. Мень. История религии. – М., 1991, т.1, с.214), а философия в этом смысле близка религии. Философию можно считать попыткой перевода религии на язык науки, или наукой о религии, а точнее – о сакральном. Что есть сакральное? – так должен звучать основной вопрос философии. И каждая философская школа по своему отвечает на него, сакрализируя нечто. Так, материализм, утверждая первичность материи, тем самым благословляет поклонение материи и тотальную бездуховность (марксистская философия так и не смогла толком объяснить, что же есть духовность, так как, видимо, этот вопрос ее не очень занимал, ведь сакральна материя). Для Платона сакральное – это мир идей и эйдосов, для Аристотеля – формы и Бог-первотолчок, Бог-философ (в этом есть своя логика, ведь философия – наука о сакральном, Бог же – само сакральное; но есть логика и в мысли Платона о том, что боги не ищут мудрости, поскольку изначально мудры. Это логика философа, живущего в десакрализованном мире, но ищущего сакральное, движущегося к нему. Здесь уместно вспомнить, что традиционное общество, которое сакрализовало самое себя, свои устои, не могло иметь философии, т.к. было, подобно платоновским богам, уже мудро). Сакральным источником для моралистов выступала смерть, подстегивавшая их поиск, попытки психологически (философски) защититься от смерти (философствование о смерти есть приобщение к ней и тем самым ее окультуривание, создание кода для общения со смертью, или – проще – разработка языка, описывающего смерть и снимающего давление неизвестности). Нетрудно обнаружить идею сакрального в трансцендентном Канта, в мировом духе Гегеля. Наконец, новейшая философия приблизилась к мысли о том, что сакральное есть Хаос. Не эта ли идея заложено в эволюции Дарвина, диалектическом материализме (как, впрочем, и в его корне – гегелевском ухе), бессознательном Фрейда, архетипах Юнга? А хаос безлик и многогранен, бесформен и форма всех форм, поэтому философская мысль попросту неисчерпаема. Любая новая метафора способна открыть доселе неведомую грань многообразной Истины, но вся она непознаваема. Как ни парадоксально, но только Хаос и может быть источником всех сакральных потенций.

7. Такой вывод способен поставить точку на философии как науке. И если наш вывод верен и философия в «чистом» своем виде ближе к поэзии, то сознательное отграничение философии от линейно-ориентированной науки только пойдет ей на пользу, поскольку позволит выполнять свою изначальную функцию – спасти человечество от усиливающейся бездухов-

ности и десакрализации. Отсоединившись от науки и «уверовав» в неисчерпаемость Истины, философия превращается в модернизированную мифопоэтику – ту форму мировоззрений, которая вполне способна была удовлетворять наших доисторических предков больше, чем нас сегодня любая философия и религия. Здесь мы подошли к истокам генезиса философии и науки, в котором изначально заложено не единство, а взаимодополняемость. Если наука, по Дж. Фрэзеру, происходит из магии, то философия – от мифа. При этом магия, основой которой был опыт и идея практической пользы, духовно опиралась на миф, освящая им каждое свое действие (тоже и с современной наукой, которая всегда нуждается в «оправдании» своих действий какой-то философской доктриной). Миф же черпал из магии новые эмпирические факты, которые незамедлительно «обволакивались» мифопоэтической оболочкой, окультуривались, одухотворялись и одновременно объяснялись в духе традиции.

Этим занимается и нынешняя философия по отношению к достижениям науки, но, как правило, чем более вбирает в себя та или иная философия научных фактов, тем более она уходит от своего предмета, превращаясь в придаток науки, что связано с хронической профанностью науки, в отличие от магии. Миф был первичен по отношению к магии, в десакрализованном мире всё наоборот – «бытие определяет сознание», то есть линейная наука верховодит над философией, практика, польза тела руководит духом.

Отношение первобытной магии к мифу и философии мы охарактеризуем так: если магия в современном сознании есть успешная практика, которая не подтверждена теорией (т.е. теоретической наукой, а не мифом), то философия – та теория, которая выше практики, то есть не должна ею подтверждаться. Яркий пример – большевистский эксперимент, который призван был подтвердить на практике марксистскую концепцию философии истории. Значит, философия есть успешная теория (ведь всякая философия в какой-то мере истинна = ценна), не подтверждающаяся практикой. Просто «мир сей», к которому относится вся обыденная деятельность, не может быть полигоном для искусственного моделирования теорий, относящихся к сфере сакрального. В этом случае человек пытается взять на себя функции высшего закона, естественных сил бытия (Абсолюта, Хаоса, Всеобщего, Бога). Философия же выступает посредником между человеком и идеальным миром (= мир возможного). Здесь мы согласны с Платоном: реальные воплощения идей всегда искажают прообраз, поэтому философия не может проверяться экспериментом, точно также, как нельзя «проверить» практикой произведение искусства.

Но если философия не воплотима в действительности «мира сего», то как обстоит дело с мифологией, которая была способна освящать жизнь традиционного общества и даже подчинять себе магию? Нужно сказать, что и наука, и магия, и миф, и философия имеют одно общее свойство – к ним обращаются в необыденных ситуациях, как бы выходящих за пределы известного, профанного мира (см. схему ниже). Наука призвана обогащать повседневность новыми знаниями и способностями, магия – только способностями, поскольку теория ее насквозь продиктована мифом. Магический акт не мыслим без разыгрывания мифического действия, обращающего к потенциям того или иного мифологического сюжета. Сам же миф имеет отношение к повседневной жизни «подопечного» общества только в том смысле, что объясняет любую ситуацию встречи с необыденным. При этом миф обращался к специфической форме практики – ритуалу, который играл роль успешной практики преодоления хаоса, вызванного необыденным (между магией и ритуалом много общего, хотя ритуал никак нельзя поставить у истоков науки, а скорее – у истоков искусства). Как видим, миф, подобно философии имеет прямое отношение к хаосу – к началам всего, к творению, то есть к таким проявлениям бытия, где явственно соприкосновение действительного с возможным, профанного мира с хаосом (таким образом, сакральное = хаос = возможное). Философия не имеет подобной практики, так как утратила ту «несерьезность» мифа, которая позволяла ему сублимировать проявления хаоса в игре, ритуале. Зато философия обрела трагическую серьезность, пре-

вратившую ее в руководство к действию и преобразованию реального мира. Именно потому, что миф и философия не имеют отношения к «миру сему» – миру социальному, они не могут подтверждаться успешной, неигровой практикой. Их стихия – хаос, а их предназначение – предупреждать хаос, обозначать его и давать способы реагирования на все проявления хаоса. Последними являются, как правило, подражания хаосу, игры в хаос, нейтрализующие, подчиняющие его внутренней логике мифа-ритуала. Это та же игра, о которой мы упоминали, говоря о «философствовании» смерти. Таким образом, и сама философия – в значительной степени есть игра с хаосом, «игра в бисер».

Философия столь не похожа на миф, столь холодна, эзотерична, скучна для профанного большинства, столь абстрактна потому, что является неполной наследницей мифа. У нее есть единокровная сестра – история, составляющая вторую сущностную половину мифа. Десакрализация мира, совпавшая с ясперовским «осевым временем» начала истории, является процессом демифологизации – разрозненного существования некогда единых (в мифе) философии и истории. Что есть история, как не воплощенный несковываемый хаос? Чем есть философия, как не попыткой сковать его? В этом она близка культуре – антагонисту истории. Но философия – не антагонист истории, а культура – лишь эманация мифа, форма существования продуктов философии и истории в духовной сфере общества. Пан выражения мифа воплощен в истории, а план содержания пытается найти независимое существование в философии (отсюда ее стремление к абстрактности). Используя декартовскую метафору, можно сказать, что философия – вдох мифа, теоретизирование, а история – его выдох, воплощение (в этом смысле первобытный ритуал аналогичен истории), анализ и синтез. Естественно, что философия, выступая в качестве анализа, лишенного воплощения в синтезе (им могла бы быть религия – духовная теория+практика, но философия в чистом виде, лишенная плана выражения, подобного мифическому, как мы уже указали, не может иметь успешной практики. Последняя – результат восприятия нужного, заложенного в идее духа, но поскольку философия не понятна большинству, то искажение духа неизбежно. Таким образом, уточним, что философия может воплотиться в удачной практике для самих философов и стать эзотерической религией), становится катализатором десакрализации мира, а значит – развития науки и неугасания истории. Предположу, что конец истории, а равно и философии наступает вместе с их соединением, возрождающим миф. Для исторического человека именно история и философия выступают основными источниками сакрального, питают его духовность и даже, возможно, замещают собой религию. Так, национальные идеи, суть которых близкородственна языческому мировоззрению, основываются на сакрализации национальной истории, играющей роль мифа, и выведению из этой истории своеобразной национальной философии – теории мирореагирования. Несомненно, любая история совершается ради достижения утопического идеального состояния, раз и на всегда завершающего историю, то есть целью истории есть ее конец, а значит, и ее слияние с философией в новом мифе.

8. Итак, чем ближе философия к мифу, тем более она метафорична, символична, а чем ближе к науке, тем более приближается к структуре, «очищаясь» от плана выражения. Можно выстроить иерархию наук, которая определяется их отношением к «миру сему», положению их предмета в структуре космоса. Условно, математика может выступать прямой противоположностью философии как «абсолютная» наука, которая далее других наук удаляется от содержания, от реального мира, но не ко всеобщему, а в противоположную сторону – к частному. Если философия направлена далее всех «вверх», то математика – «вниз». Она тоже соткана сплошь из метафор, но метафоры эти нисходящие, хотя мы не можем не признать связи микро- и макроуровней космоса, поэтому выводы математики могут питать философию. Философия – наиболее индуктивная область познания, остальные же науки, имеющие в основе практику плюс элементы философии, более дедуктивны. Векторы науки и философии прямо противоположны: наука устремлена к низу, к познанию скрытых свойств вещей мира, а философия –

к причинам мира, кверху. «Чистая наука» – опыт, абстрагированный от догм, чистые выводы эмпирического характера. Но вряд ли можно говорить о противостоянии философии и науки. Скорее противостояние может существовать внутри философии и науки, течения которых, отрицая достижения соперников, утверждают, но дают одновременно стимул для творческого развития конкурентов. Борьба течений, несомненно, в первую очередь затрагивает философию и наиболее пропитанные «философскостью» антропологические, гуманитарные науки, где заместителем опыта (святыни чистой науки) могут выступать мнения авторитетов. Поэтому можно говорить о тесном переплетении науки и философии. Условно же схема отношений науки и философии к миру выглядит так:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.